

Глава 1

Сделав еще несколько шагов наугад, женщина остановилась. Она едва не подвернула ногу, ступив в выбоину на асфальте, и теперь не решалась двинуться дальше, пока глаза не привыкнут к темноте.

Только что отъехавшее такси еще маячило габаритными красными огнями, ныряя в ямы на разбитой и размытой дороге, ведущей от дачного поселка к городу. Александра держала в руке визитку, которую ей напоследок вручил водитель. Внезапно женщину посетило искушение вынуть из кармана телефон и тут же позвонить по номеру на визитке. Вернуть машину и немедленно уехать, пока не поздно.

«Но я не уеду. — Она провожала взглядом огни, горевшие особенно ярко на фоне черного ночного леса. — О нет, я использую этот шанс!»

Таксист, высаживая пассажирку на границе поселка, казавшегося необитаемым, несколько раз переспросил, не подождать ли ее? И так же настойчиво предлагал довезти до самой дачи, хотя Александра нетвердо помнила дорогу, да и ориентиров в темноте не было видно. Она отвергла все его предложения, и водитель отправился обратно в Москву

АННА МАЛЫШЕВА

один. Как только свет фар полностью растворился в ночи, женщина пожалела о своем решении.

«Надо было искать дом вместе, хоть час, хоть два! Толку-то, что есть фонарик, у него давно сели батарейки! И лучше бы повременить с визитом до утра... Но ведь мне сказали ясно: “Приезжайте немедленно!” Лыгин недоверчив, как все коллекционеры, и чудаковат, как все одинокие люди... Если бы я приехала утром, он бы обиделся и попросту не отпер дверь. Ведь я так давно впустую расспрашивала его об этой тайной коллекции! Зная меня семь лет, и только с хорошей стороны, Лыгин все равно скрытничал. И вдруг решил, без всяких причин, ни с того ни с сего... Нет, я рискнула не зря. Осталось лишь найти дом!»

Александр довелось побывать на даче у своего давнего знакомого, любителя и собирателя редкостей, всего один раз. Но и это стало событием из ряда вон. Человек, который сейчас снова позвал ее в гости, слыл настоящим отшельником, и это был самый мягкий из отзывов о нем. Женщине приходилось слышать, как Лыгина называли маньяком и сумасшедшим, как упоминали несколько гнусных комбинаций, на которые он в свое время пошел ради пополнения своих знаменитых коллекций. Некогда Лыгин покинул Москву, без сожалений оставив квартиру, от пола до потолка набитую книгами и редкостями, к которым вдруг остыл. Насколько знала Александра, доступа в эту квартиру никто из его родни и знакомых не имел. Да и значили ли для него что-то слова «родные», «знакомые»? Удалившись в свой старый дачный дом, этот мизантроп почти полностью порвал связи с внешним миром. В шестьдесят пять лет, в том возрасте, когда люди начинают особенно ценить родственные и дружеские связи, Лыгин ни в ком не нуждался. Круглый год жил один, никого не зовя в гости.

ДОМ У ПОСЛЕДНЕГО ФОНАРЯ

Раз в месяц, как знала женщина с его собственных слов, коллекционер пешком отправлялся в ближайший городок. Прогулка составляла пять километров и отнимала у него два часа. Обрато он возвращался на такси, набитом покупками. Так Лыгин существовал уже семь лет, ровно столько, сколько с ним была знакома Александра.

Знакомство их состоялось несколько экстравагантным образом. Однажды утром в мансарде, где располагалась мастерская художницы, зазвонил телефон. Женщина едва откопала его из-под груды пыльных этюдов, привезенных прошлым летом с натуры. Она успела снять трубку в последний момент. Впоследствии Александра задавалась вопросом, перезвонил бы ей коллекционер, если бы она так и не подошла к телефону? И отвечала себе: «Нет!» Этот человек никогда не повторял ни просьб, ни предложений.

В трубке раздался незнакомый мужской голос. Художница было решила, что звонит какой-нибудь приятель ее недавно скончавшегося мужа. Бывшие собутыльники нет-нет да и навевались иногда в мастерскую по старой памяти. Ведь раньше это было его логово, Александре оно досталось по наследству. Но голос в трубке тут же ее разуверил:

— Нет, я не знакомый Ивана Корзухина. Что за идея? Мне нужна... — Последовала короткая пауза, звонивший явно сверялся с какой-то записью. — Александра Мордвинова.

— Корзухина-Мордвинова, — уточнила Александра. Тогда она еще не была знакома с этим человеком, иначе не рискнула бы его поправлять.

— Как вам угодно, — ответил незнакомец с язвительной вежливостью. — Мне рекомендовали вас. Сказали, что вы помогаете избавиться от старого хлама.

АННА МАЛЫШЕВА

— Я реставрирую картины, резьбу по дереву и берусь иногда за прикладное искусство, — с достоинством информировала художница собеседника. — Соответственно, перепродаю кое-что. Если ваш «хлам» такого рода, то буду рада посодействовать.

Послышался странный, скрежещущий смешок — будто точили ржавый нож.

— Мой хлам разного рода... Самого разного. Взглянуть не желаете?

— Давайте назначим встречу. — Александра обернулась на часы. — Сейчас я должна появиться в Союзе художников, улаживаю кое-какие дела покойного мужа... В два часа меня ждет заказчик. Заберу у него картину на реставрацию и прямо к вам. Куда подъехать?

— Нет, я ждать не собираюсь, — строптиво заявил мужчина. — Приезжайте прямо сейчас или не утруждайте себя вовсе!

— Но...

— Так вы приедете? Да или нет, не отнимайте у меня время!

Александра не ожидала столкнуться с капризами клиента на такой ранней стадии общения и была готова отказать от встречи. «Что за тип? Почему он так со мной разговаривает? Я пока ничего ему не должна и ни в чем не провинилась!» Но что-то помешало ей свернуть разговор и положить трубку, вернуться к делам, которых, по совести говоря, было не так много. Заказчик, на которого сослалась женщина, не торопил с реставрацией, да и картина не представляла из себя ничего стоящего. В Союзе художников Александру тоже никто особенно не ждал. Она уже не раз навевдалась туда, пытаясь выбить законное пособие на похороны мужа, но возвращалась ни с чем. Оказалось,

ДОМ У ПОСЛЕДНЕГО ФОНАРЯ

муж последние годы не платил членские взносы и тем самым лишился прав на все выплаты... Александра уже не могла без тошноты видеть секретаря правления — грузную, вульгарно накрашенную даму с изумрудами в ушах и с лицом вокзальной бродяжки. Чиновница от искусства ждала элементарного подношения — бутылки коньяка и коробки конфет, но Александра упорно делала вид, что не понимает этого. Она считала, что Союз и так немного сделал для покойного художника и тот ничего никому не должен. Женщина бросила бы затею с пособием, но на тот момент осталась совершенно без денег. После смерти Ивана обнаружили долги, которые пришлось заплатить, потому что занимал муж у людей небогатых, таких же пропойц-художников, как он сам.

— Хорошо, — скрепя сердце выговорила она. — Я приеду сейчас. Куда?

— Недалеко от вас. Вы обитаете на Китай-городе, если меня правильно информировали? А я на Яузском бульваре.

— Так я пешком дойду! — обрадовалась Александра. — Скажите адрес и... Кажется, я еще вашего имени не знаю?

— И впрямь, я не представился! Лыгин, Дмитрий Юрьевич. Записывайте адрес. Поторопитесь. Я жду.

Повесив трубку, женщина бросилась искать куртку, как всегда, куда-то запропастившуюся. И вдруг засмеялась — впервые за последние три недели, прошедшие со дня похорон. «Что я так тороплюсь?! Этот тип командует мною, даже не соизволив познакомиться толком, а я и рада слушаться! Возьму да не пойду!» Но она понимала, что пойдет.

Дом, глядевший торцом на Яузский бульвар, вопреки ожиданиям Александры, оказался вовсе не особняком девятнадцатого века или эпохи модерн, а брежневской кирпичной девятиэтажкой. Желтая одноподъездная баш-

АННА МАЛЫШЕВА

ня, втиснутая в щель между старыми постройками, резала глаз, несмотря на то что была так же загромождена уличной копотью, как соседние здания. «Человек, которому в восьмидесятых годах дали тут квартиру, был шишкой, это очевидно!»

Лифт с обожженными кнопками доехал только до шестого этажа, и на девятый, где располагалась нужная квартира, пришлось идти пешком. На это художница первым делом и пожаловалась мужчине, отворившему ей дверь. Никаких извинений не последовало, Лыгин просто ответил:

— Знаю. Лифт давно сломан, и чинить его не собираются.

— Но я решила, что застряла на шестом, когда кабина вдруг остановилась и свет погас! Слава богу, дверь открылась... Вы меня не предупредили...

— Неужели должен был? — В голосе коллекционера звучала насмешка. Он оглядывал гостью критически, и Александра вдруг устыдилась своего вида — заношенной брезентовой куртки, испачканных краской джинсов, которые не удосужилась переодеть, растрепанных волос... Она затем и стриглась очень коротко, чтобы не возиться с прической, и считала, что выглядит неплохо, но под взглядом Лыгина вдруг ощутила себя ощипанным воробьем. А хозяин квартиры шеголял в брюках со стрелкой, в начищенных ботинках и кашемировом свитере. Черные волосы с сильной проседью, резкие черты лица, которого время словно побоялось коснуться, темные прищуренные глаза — все это делало его похожим на стареющего актера. Александре показалось даже, что она уже видела где-то это лицо, и женщина, не удержавшись, спросила:

— Мы не встречались?

ДОМ У ПОСЛЕДНЕГО ФОНАРЯ

— Не знаю, — пренебрежительно ответил Лыгин. — Я вас, во всяком случае, не припомню.

Александра разозлилась на себя за то, что задала этот вопрос, и твердо решила молчать, пока речь не пойдет напрямую о деле. «Что за нарцисс! — негодовала она, ступая в прихожую и далее, вслед за хозяином, проходя в комнату. — Что за самомнение! Ведь он не такой уж красавец, скорее, у него неприятное лицо...»

В следующий миг она забыла о своей досаде. Двадцатиметровая комната, куда попала женщина, была сплошь уставлена шкафами и горками, на полках которых теснились старинный фарфор, красный богемский хрусталь и шкатулки. Едва взглянув на них, Александра почувствовала сильное сердцебиение. Шкатулки являлись ее коньком и страстью. Три года назад она начала закупать для антикварных салонов именно этот вид предметов и, преуспев поначалу, была преисполнена самых радужных надежд. После у нее случались как удачи, так и горькие промахи, но со шкатулками неизбежно везло.

— Желаете их продать? — спросила женщина, остановившись у застекленного шкафа, заполненного исключительно шкатулками. — Я охотно возьмусь.

— Еще бы вы не взяли! — фыркнул хозяин у нее за спиной. — Эта коллекция вывезена из Германии после войны одним генералом, которому посчастливилось квартировать в доме барона Карла Варнбюлера фон унд цу Хемминген... Генерал продал мне все это добро в семьдесят третьем году, когда женил внука и решил подарить ему «Волгу».

И снова раздался скрежещущий смешок, который так неприятно действовал на Александру, когда она разговаривала с коллекционером по телефону.

АННА МАЛЫШЕВА

— Генерал — болван, — язвительно заявил Лыгин. — Шкатулки стоили неизмеримо больше, а любитель не расстался бы с ними и за целый автопарк. Чего стоит вот эта! — Он указал на круглую фарфоровую бонбоньерку, расписанную фиалками и инкрустированную крохотными аметистами по окружности крышки. — Она принадлежала императрице Сисси. Бедняжка хранила в ней свои любимые конфеты, засахаренные фиалки. Только и радостей было в ее жизни, что эти лакомства. На дне — инициалы императрицы. Можете убедиться. Взгляните!

Лыгин открыл дверцу шкафа и, достав бонбоньерку, положил ее на трепещущую ладонь Александры.

— Изумительно... — прошептала она, разглядывая вещь. — Вы готовы с ней распрощаться?

— Я к ней охладел. Увы, людям свойственно менять пристрастия. Я собираюсь избавиться от всего, что можно продать. А что не продам, то обменяю.

— Я прямо сегодня поговорю с одной своей знакомой, у нее небольшой магазин в центре и множество связей, — взволнованно ответила Александра. — Но неужели вы продаете ВСЕ?

— Все, что вы видите. — Мужчина широким жестом обвел комнату. — Фарфор, хрусталь, шкатулки и табакерки. Игральные и гадальные карты восемнадцатого-девятнадцатого веков. Одна колода, по слухам, принадлежала самой Марии Ленорман, но я не стал бы настаивать на этой версии. В другой комнате пара сундуков с игрушками, пуговицами, позументами и вышивками. Словом, хлам.

Так завязалось самое странное знакомство в жизни Александры. Этим было сказано многое, ведь среди ее окружения встречалось мало заурядных людей. Художники, скульпторы, резчики по дереву, реставраторы, кол-

ДОМ У ПОСЛЕДНЕГО ФОНАРЯ

лекционеры и скупщики антиквариата — эта каста стала Александре родной со студенческих лет, и за ее пределы женщина выходила редко. В такой среде процент чудачков неизбежно выше обычного, но Лыгин выделялся даже из диковинного окружения. Александра назвала бы его страстным коллекционером... Но это была какая-то ледяная страсть. Лыгин становился безжалостным к вещам, к которым охладел, и расставался с ними, даже не гоняясь за большим барышом. Часть коллекции, которую художнице поручили распродать, ушла чуть не за бесценок только потому, что Лыгин торопил с продажей.

— Подождем! Через неделю я встречу с одним любителем из Питера, который заплатит вдвое больше, — отговаривала его Александра. — Мы потом пожалеем, что пороли горячку!

— Мы? — раздражался Лыгин. — Вы-то пожалеете, понятно, у вас комиссионные получатся меньше. А мне нужно только скорее продать.

Такая позиция была непонятна женщине. У нее не создалось впечатления, что хозяин коллекций остро нуждается в деньгах. Лыгин ни слова не сказал о том, что у него финансовые затруднения. Люди, продававшие с помощью Александры свои вещи, обычно откровенничали с ней. Скупщик антиквариата — во многом психолог. За три года, которые Александра занималась этим делом, она выслушала десятки исповедей и жалоб. Лыгин не рассказал ничего. Через год она знала о нем не больше, чем в первый день знакомства. Имя, адрес, номер телефона. Есть ли у него семья? Жена, любовница? Дети? Друзья? На пенсии ли он и какова была его основная профессия? Лыгин оставался для Александры загадкой, и загадкой неприятной.

АННА МАЛЫШЕВА

Несмотря на то что женщина недурно зарабатывала, пристраивая его коллекции к новым хозяевам и Лыгин ни разу не остался в претензии, что она продала вещи дешево или возилась долго, ее не радовала эта «золотая жила». Александра откровенничала с давней знакомой, владелицей антикварного магазинчика, практически своей крестной матерью в мире коллекционеров:

— Понимаешь, Альбина, он не то чтобы хамит мне, но умудряется всякий раз останавливаться в миллиметре от прямого оскорбления. Не понимаю, как у него это получается?

— Лыгин — странный тип. — Альбина прикуривала одну сигарету от другой и кивала пегим пучком волос, небрежно заколотым на затылке. — Я о нем слышала, но сама ни разу не встречалась. Он какой-то анахорет. Никто ничего о нем толком не знает. Сын военного, чуть ли не генерала. А может, и нет. И чем ты недовольна? Он дает зарабатывать — спасибо, и точка.

— Как с ним пообщаюсь, хочется топтать ногами и плевать в зеркало, в свое отражение за то, что молча слушала и ничего ему не ответила!

— Ну так плюй, но не теряй такого сказочного клиента, — советовала старшая подруга. — Поверь уж мне, старой ведьме, в нашем деле подобные сговорчивые продавцы встречаются реже, чем подлинные Айвазовские. Вообще-то, удивительно, что он пустил тебя в свое логово, позволил продавать все под корень и даже не пытается контролировать. Ему повезло. Если бы он нарвался на маклера без совести, его бы обчистили до нитки. Кстати, кто тебя ему рекомендовал?

Александр и сам занимал этот вопрос, но, когда она задала его Лыгину, тот небрежно ответил: «Я уж забыл».

ДОМ У ПОСЛЕДНЕГО ФОНАРЯ

Вероятно, коллекционер лгал. Рекомендация, которой он слепо последовал, должна была исходить от очень близкого друга. Иначе почему он вдруг доверился незнакомке?

А доверие было так велико, что женщина не во всем решалась признаться даже Альбине. Сразу после того, как Александра продала первые вещи и принесла деньги на квартиру, Лыгин ее ошеломил:

— Продолжайте дальше в том же духе, пока не рассчитите весь хлам. А я уезжаю на дачу. Ключ вам оставляю. Слишком хлопотно всякий раз встречаться, чтобы передать вещи. За деньгами буду наезжать по мере... мм... надобности.

— Вы хотите оставить мне ключ от этой квартиры?! — Александра испугалась, услышав и осознав это. — Но здесь коллекции... А вы меня совсем еще не знаете...

— Если не возьмете ключ, нам придется расстаться, — перебил Лыгин. — Не думаете же вы, что я собираюсь таскаться в город всякий раз, когда вам понадобится взять отсюда табакерку?!

И Александра приняла ключ, почти не веря в то, что это происходит с ней. Лыгин взглянул в ее искаженное лицо и вдруг заявил:

— Что-то вы слишком волнуетесь. Или задумали меня ограбить?

Александра не успела протянуть ему ключ обратно, как он разразился своим скрежещущим смехом:

— Я пошутил, пошутил! Уж кто меня грабит, так это я сам. Думаете, я не понимаю, что мог бы выручить за коллекции несравненно больше? Но время работает против меня. Продавайте все, и продавайте быстро. Больше я ничего не требую.